

Научная статья

УДК 902+930.85+304.2

doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-135-143

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ МЕЖДУ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫМИ И СОВЕТСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ В ТАССР В 1920–1930-е ГОДЫ

Константин Александрович Руденко

Казанский институт культуры, Казань, Россия, murziha@mail.ru, ORCID 0000-0002-4067-9287

Аннотация. Смена социально-политического строя в 1917 г. в России привела к изменениям во всех сферах общества. В Казанской губернии процесс перехода был осложнён событиями Гражданской войны и сильной научной традицией, базировавшейся в основном на идеях учёных Казанского университета. С последним были связаны основные кадры историков и археологов. В силу этого материалы археологических работ дореволюционного времени, как и выдвигавшиеся идеи, мало изменились в первые десятилетия советской власти. Перемены касались тематики исследований: в 1920-х гг. они оказались сосредоточенными вокруг истории Волжской Булгарии и Золотой Орды. Это было во многом связано с образованием национальной татарской автономии в составе РСФСР, где вопросы истории местной государственности были приоритетными. Исследование других тем практически остановилось на том уровне, который был достигнут к 1910-м гг. Такая ситуация была обусловлена и тем, что археологов в Казани в 1920-х гг. было три человека (М. Г. Худяков, В. Ф. Смолин, Н. Ф. Калинин), не считая студентов, участвовавших в раскопках. При этом отношения учитель—ученик существовали только в ситуации П. А. Пономарева (учитель) и М. Г. Худякова (ученик) до 1919 г. — смерти П. А. Пономарева. Впрочем, после смерти учителя Худяков отказался от его идей, как и от гипотез других казанских учёных, занимавшихся археологией, став адептом новой, советской идеологии. В. Ф. Смолин был более последователен по отношению к наследию предшественников, внося и свою лепту в исследование ранних периодов истории Среднего Поволжья. Однако к концу 1920-х гг. оба учёных уехали из Казани, и прямая линия преемственности прервалась. В 1930-х гг. московский археолог А. П. Смирнов смог продолжить на новом уровне археологические исследования в ТАССР, используя материалы казанских учёных, полученные ранее.

Ключевые слова: археология в Казанской губернии, В. Ф. Смолин, Н. Ф. Калинин, М. Г. Худяков, П. А. Пономарев, А. А. Штукенберг, Общество археологии, истории и этнографии, советское краеведение, ТАССР, волжские булгары, Волжская Булгария

Для цитирования: Руденко К. А. Преемственность между дореволюционными и советскими исследователями в археологической науке в ТАССР в 1920–1930-е гг. // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2023. № 2. С. 135–143. URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-135-143

Original article

CONTINUITY BETWEEN PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET RESEARCHERS IN ARCHAEOLOGICAL SCIENCE IN THE TASSR IN THE 1920S — 1930S

Konstantin A. Rudenko

Kazan Institute of Culture, Kazan, Russia, murziha@mail.ru, ORCID 0000-0002-4067-9287

Abstract. The change in the socio-political system in 1917 in Russia led to changes in all spheres of society. In the Kazan province, the transition process was complicated by the events of the Civil War and a strong scientific tradition based mainly on Kazan University. The main forces of historians and archaeologists were also connected with the latter. This was the reason why the materials of pre-revolutionary archaeological works, as well as the ideas put forward, changed little in the first decades of Soviet power. The changes were related to research topics: in the 1920s the subject matter turned out to be concentrated around the era of the Volga Bulgaria and the Golden Horde

and they were proclaimed a priority. This was largely due to the formation of a national Tatar autonomy within the RSFSR. The study of other topics practically stopped at the level that had been achieved by the 1910s. This situation was also due to the fact that in the 1920s there were 2–3 archaeologists in Kazan, not counting the students who participated in the excavations. Of these, only P. A. Ponomarev and M. G. Khudyakov maintained teacher-student relationships. However, after the death of P. A. Ponomarev, Khudyakov abandoned the ideas of his teacher, as well as other hypotheses of Kazan scientists involved in archeology, becoming an adherent of a new, Soviet ideology. V. F. Smolin was more consistent in relation to the heritage of his predecessors, having made his contribution to the early periods of the history of the Middle Volga region. However, by the end of the 1920s both of them left Kazan, and these facts interrupted the direct line of succession. In the 1930s A. P. Smirnov was able to continue archaeological research in the TASSR at a new level, using the materials of Kazan scholars obtained earlier.

Keywords: archeology in the Kazan province, V. F. Smolin, N. F. Kalinin, M. G. Khudyakov, P. A. Ponomarev, A. A. Shtukenberg, Society of Archeology, History and Ethnography, Soviet local history, TASSR, Volga Bulgars, Volga Bulgaria

For citation: Rudenko KA. Continuity Between Pre-revolutionary and Soviet Researchers in Archaeological Science in the TASSR in the 1920s — 1930s. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2023;(2):135-143. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-135-143

Введение

Археология в Казани и в Казанской губернии едва ли не единственная из гуманитарных дисциплин, вошедшая в пространство советской науки в ТАССР без особых сложностей. Обусловлено это рядом факторов. Во-первых, естественным образом образовался своего рода переходный период, охватывавший 1917—1921–22 гг., в течение которого продолжалась работа дореволюционных образовательных институций — университета и духовной академии, а также краеведческого Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (далее — ОАИЭ). Это общество функционировало до начала 1930-х гг. [Руденко, 2014, с. 350–352; Руденко, 2019, с. 281, 282].

Во-вторых, большинство концептуальных проблем археологии, древней и средневековой истории края с научной точки зрения были практически не разработаны, о чём свидетельствовало отсутствие кандидатских и докторских диссертаций по этой тематике, защищённых в Казанском университете. В-третьих, формирование казанской провинциальной научной археологии с новой методикой приходится уже на советский период. В-четвёртых, в Казани до 1917 г. отсутствовало профессиональное сообщество археологов и не было практики подготовки археологических кадров. Это привело к созданию неоднозначной ситуации в отношении формирования в данной области знаний научной школы и ученичества [Руденко, 2016, с. 64–69]. В-пятых, следует учитывать активное проведение в ТАССР так называемой политики «коренизации», внедряемой и в сферу гуманитарных наук.

Источники и методы

Вопрос о преемственности научного знания и приёмов исследований археологических памятников казанскими археологами в первой трети XX в. ещё не ставился. В немногочисленных на сегодняшний день историографических исследованиях акцент делался, как правило, на той или иной археологической эпохе [Руденко, 2014]. Научные достижения представителей разных поколений казанских археологов рассматривались, чаще всего в разделах истории изучения той или иной проблемы или научной темы.

Источниками данной статьи стали материалы исследований археологов начала XX в., опубликованные в научных изданиях, а также архивные документы, введённые в научный оборот. В качестве методики исследования был выбран историко-сравнительный подход, позволивший выявить контекст событий рассматриваемого периода.

Полученные результаты

Рассмотрим главные достижения в изучении истории края, сформулированные исследователями дореволюционного периода, опираясь на археологические материалы. На протяжении конца XIX и первой половины XX в. какой-либо единой концепции развития этнических процессов и материальной культуры Среднего Поволжья и Предуралья в древности и средневековье не сложилось. Вместе с тем на территории Казанской и Вятской губерний в середине — второй половине XIX в. были выявлены первые в России археологические культуры: ананьинская (1856–1858 гг.) (по могильнику у села Ананьино), которую в XIX в. отнесли к эпохе бронзы [Пономарев, 1892], а уже в XX в. её датировка

была пересмотрена в пользу эпохи раннего железа [Археология, 2021, с. 128]. Несколько позже выделили пьяноборскую культуру, по некрополю у села Пьяный (Красный) Бор. Её отнесли к финалу раннего железного века, точнее переходному периоду от раннего железного века к эпохе раннего средневековья. Отдельно рассматривалась культура «костеносных городищ» и городищ с «рогожной керамикой». Самым активным исследователем древностей этих периодов был П. А. Пономарев, археолог-любитель [Руденко, 2014, с. 601, 602]. Эти археологические культуры, выработанные археологами терминология и этнокультурные определения оставались в научном обращении до середины XX в. Понятие «ананьинская археологическая культура» было изменено на «ананьинскую культурно-историческую общность» или область, только лишь в конце прошлого столетия, отражая результаты осмысления новых материалов [Археология, 2021, с. 137].

Наработки П. А. Пономарева активно использовал М. Г. Худяков, которого Пётр Алексеевич считал своим учеником, о чём упоминал и сам Михаил Георгиевич [Худяков, 1920]. Пономарев брал его на археологические экскурсии и раскопки, посвящая юношу в свои планы и даже доверяя ему вести полевую документацию, а также публиковать результаты исследований [Худяков, 1919]. Впрочем, встав на позиции марксизма, Худяков своё мнение о Петре Алексеевиче изменил, сочтя его буржуазным археологом-любителем, взгляды которого «поражают своей беспомощностью», отрёкшись от него как наставника [Худяков, 1933, с. 132, 133]. Такую переоценку он сделал и в отношении других казанских учёных недавнего дореволюционного прошлого [Шаманаев, 2017]. Среди них были и те, кто оказывал ему всяческую поддержку в археологии, когда он был студентом, и способствовали его продвижению по статусной «лестнице» ОАИЭ. Тем не менее М. Г. Худяков, осудив Петра Алексеевича, плодами трудов его пользовался довольно активно, о чём свидетельствуют публикации материалов раскопок Пономарева, как и «творческое переосмысление» некоторых его исследований [Худяков, 1923; Худяков, 1929]. Стремление М. Г. Худякова не к научным достижениям, а к карьерному росту, характерному для него в Казани [Руденко, 2019, с. 286–288] и особенно проявившемуся в ленинградский период его жизни (1925–1936), и вовсе свели на нет остатки какой-либо духовной или идейной связи с наследием П. А. Пономарева. Свою связь со сво-

ими бывшими коллегами Худяков уничтожал сознательно.

Общественная и научная жизнь М. Г. Худякова в Ленинграде начиналась как бы с чистого листа, как и выстраивалась его карьера: аспирантура ГАИМК в 1926–1929 гг., работа в разных учреждениях и активная политическая полемика в публикациях. Собственно, и археология в его деятельности в Ленинграде была практически вытеснена вниманием к российской этнографии, точнее к её критике, поскольку в 1929–1933 гг., по окончании аспирантуры, он принял деятельное участие в работе ИПИН при АН СССР, важной структуре в научной и общественной жизни раннего СССР. При этом он подчеркнул свою идейно-политическую позицию, ориентированную на критику «буржуазной российской этнографии». Главными объектами обвинений стали ленинградские этнографы и члены казанского Общества археологии, истории и этнографии, правда, в основном те из них, которых уже не было в живых [Худяков, 1932]. В ИПИН он занял должность учёного секретаря, заместив своего предшественника С. И. Руденко, приложив немало усилий, чтобы тот был осуждён и попал в заключение по политическим обвинениям [Хирш, 2022, с. 253].

Непростыми оказались попытки археологов определиться с эпохой каменного века в Казанской губернии. Местный краевед и коллекционер А. Ф. Лихачев (1832–1890) считал, что уже в ранние эпохи, чуть ли не в палеолите, Казанский край был заселён, о чём, по его мнению, свидетельствовали находки орудий труда и оружия, сделанные из камня, обнаруженные на территории Казанской губернии и попавшие в его коллекцию. Однако систематизация и атрибуция такого рода артефактов привели других исследователей — профессоров Казанского университета Н. Ф. Высоцкого и А. А. Штукенберга — к иным выводам [Штукенберг, Высоцкий, 1885]. Проанализировав геологические условия залегания каменных орудий, а также фиксируя сопутствующие каменным орудиям иной археологический материал, они пришли к выводу, что практически все эти артефакты относятся к неолитической эпохе и даже более поздней — бронзовой [Руденко, 2007, с. 342, 343]. После них продолжателей в области первобытной археологии в Казанской губернии и ТАССР до конца 1940-х гг. не было. Материалы эпохи бронзы и раннего железа с территории Казанской и Вятской губерний были опубликованы А. А. Штукенбергом [Штукенберг, 1901].

Ещё сложнее оказалась ситуация с эпохой Средневековья — археологическими памятниками и артефактами, оставшимися от государств Волжская Булгария и Золотая Орда. В начале 1920-х гг. Н. Ф. Высоцкий констатировал, что археологические древности этого периода слабо разработаны и не имеют точной датировки. Вместе с тем другие подходы к изучению этой эпохи развивались достаточно активно: к 1917 г. был накоплен солидный нумизматический материал, в значительной мере введённый в научный оборот Х. М. Френом, П. С. Савельевым, А. Ф. Лихачевым и Р. Р. Фасмером и другими. Предпринимались попытки определить язык волжских болгар на основе изучения эпитафий на надгробиях XIII–XVI вв., отдельных сохранившихся документов, таких как «Именник болгарских ханов». Задачи антропологической характеристики средневекового населения Казанской губернии решались членами Общества естествоиспытателей при Казанском университете, в основном практикующими врачами, в свете популярных в то время идей доктора Рудольфа Вирхова [Могильнер, 2008, с. 52, 169–171].

Всё это делалось для одной цели: определить кто же были средневековые болгары — славяне или иное племя — и кто является их потомками среди современных народов Среднего Поволжья. Причём на основе тех источников, которые в то время считались самыми надёжными в решении подобных вопросов — язык и антропологический тип — а также сведений по древним письменным сообщениям. Первая точка зрения, получившая распространение с XVII в., и до начала XX в. являлась основной гипотезой российской историографии [Руденко, 2007, с. 166, 239, 244–247, 255–258]. Согласно ей Булгар и его область в древности и раннем Средневековье были славянской прародиной, откуда их потомки расселились по Европе в первой половине I тыс. н. э., а часть осталась на Средней Волге и впоследствии смешалась с финно-уграми и тюрками.

О руссах, в начале X в. на Средней Волге писал араб Ахмед ибн Фадлан, побывавший в стране болгар в 922 г. В них значительная часть российских учёных видели славян-русских. Раскопанное в 1888 г. П. А. Пономаревым и Н. П. Лихачевым кремационное погребение с каролингским мечом близ с. Балымери [Руденко, 2014, с. 56–60] было соотнесено с описанным Ахмедом ибн Фадланом захоронением знатного русса. Спустя четыре года после этого археологического открытия А. А. Штукенберг опубликовал небольшую

заметку, где была озвучена версия, что погребённый был не славянином, а варягом [Штукенберг, 1892, с. 156]. Эти находки вызвали отклик у ряда исследователей в рамках обсуждения так называемой «норманнской теории» [Руденко, 2014, с. 425, 426, прим. 1393].

Уже в 1925 гг. казанский археолог В. Ф. Смолин, сочтя внушительную земляную насыпь под названием «Шелом» в с. Балымери курганом — возможно, варяжским или славянским, предположил, что они сродни курганам, которые здесь якобы находились и подвергались раскопкам П. А. Пономаревым и Н. П. Лихачевым. Он решил проверить эту версию и провёл небольшие исследования [Смолин, 1926]. Кургана здесь он не нашёл, а насыпь оказалась, по его версии, жертвенным местом. Как было установлено позже, данная насыпь являлась валом городища предбулгарского времени [Руденко, 2014, с. 87–90]. Поиски «варяжских» курганов возобновлялись в 1960-х гг., и также безуспешно.

Во второй половине XIX в. параллельно развивалась чувашская теория, согласно которой потомками болгар были чуваша-язычники. Этногенез казанских татар, вплоть до 1940-х гг., чаще связывался с монголами-завоевателями XIII в., хотя среди татарской интеллигенции и религиозных деятелей начала XX в. были сторонники прямого родства казанских татар со средневековыми болгарами.

Показательны раскопки в Болгарах в 1914–1916 гг., организованные ОАИЭ, для выяснения назначения сохранившихся древних архитектурных сооружений. Без этого научно интерпретировать древние руины не представлялось возможным — их считали и фундаментами индийских пагод, и катакомбами сродни древнеримским, и подземными ходами, и остатками мусульманских культовых построек [Руденко, 2007, с. 218–220]. И это при наличии многочисленных гравюр и живописных полотен, выполненных российскими художниками в 1840–1860-х гг., где часть объектов была изображена ещё в более-менее удовлетворительном состоянии!

Революционные события 1917 г. внесли новую струю в российскую историческую науку, но в археологию на тот момент практически ничего. В советской археологии, вплоть до начала 1930-х гг. господствовали идеи корифеев дореволюционной археологической науки — А. А. Спицына и В. А. Городцова. Правда идеи марксизма, бывшие популярными и у некоторых казанских историков в первом десятилетии XX в., сказались

на научных гипотезах, касавшихся истории волжских булгар. Профессор Казанского университета Н. Н. Фирсов в начале 1920-х гг. писал о торговом капитале и феодализме в Волжской Булгарии, следуя, вероятно, идеям М. Н. Покровского. Но при этом он полагал, что булгары — это пришлый народ, не славянского рода, появившийся в Среднем Поволжье в VI–VII вв., освоивший торговлю, ставшую основой их экономики, прежде всего с восточными странами. Потомками их он считал чувашей [Фирсов, 1920], вероятно, опираясь на «чувашскую теорию» и высказывания Н. Я. Марра, основателя нового учения о языке, сформулированной им в первой половине 1920-х гг.

Идеи о булгарах-пришельцах в 1920-х гг. сменили славянскую теорию в последней трактовке Д. И. Иловайского. Кстати, определённого рода отголоском славянской теории были упомянутые выше раскопки В. Ф. Смолина Балымерского «Шелома» в 1925 г. В целом В. Ф. Смолин в отношении булгар разделял многие положения Фирсова, вероятно, отдавая дань новому времени в понимании истории. Подобная позиция повлияла и на внутривосточную ситуацию во вновь образованной республике татар — ТАССР. В этой ситуации часть казанских русскоязычных историков шла на пересмотр своих взглядов в соответствии с протекционистской политикой большевиков в отношении национальных этносов, известной как политика коренизации [Руденко, 2020, с. 287].

Таким образом, в первое послереволюционное десятилетие каких-либо существенных инноваций как в теоретическом, так и в практическом плане в казанской археологии не происходило. Осмыслить по-новому эпоху палеометалла, продолжая идеи П. А. Пономарева и отчасти Штукенберга, пытался М. Г. Худяков в начале 1920-х гг. Уже после смерти П. А. Пономарева, в 1919 г. он ориентировался в своих изысканиях на мнение В. А. Городцова и авторитетного финского археолога А. Тальгрена [Худяков, 1923]. Однако бóльший вклад в изучение бронзового века внёс В. Ф. Смолин, открывший новую абашевскую культуру этого периода на территории Чувашии [Руденко, 2014, с. 612, 613].

Работы М. Г. Худякова и В. Ф. Смолина продолжили исследования своих предшественников особо успешно в археологии эпохи бронзы и раннего железного века. Однако отъезд из Казани обоих учёных во второй половине 1920-х гг. привёл к остановке вообще каких-либо концеп-

туальных исследований в казанской археологии. Небольшие работы в 1930-х гг. по тематике бронзового века продолжил Н. Ф. Калинин, следуя в общих чертах идеям своих предшественников. Несмотря на выход во второй половине 1920-х гг. нескольких публикаций по археологии волжских булгар [Смолин, 1921; Смолин, 1925], в средневековой археологии ТАССР стагнация продолжилась в 1930-х гг.

Принципиально новый методологический подход к полевым исследованиям, историческое переосмысление материала раскопок и музейных коллекций в конце 1930-х гг. сделал московский археолог А. П. Смирнов, активно занявшийся средневековой булгарской тематикой.

Выводы

Подводя итог, можно констатировать, что активное развитие археологии в ТАССР в советское время базировалось на источниках и идеях, сформировавшихся в дореволюционное время. Вплоть до 1930-х гг. исследовательские приёмы в полевых исследованиях казанских археологов определяли методические подходы изысканий археологов предшествующего времени. В работах Н. Ф. Калинина они присутствовали до первой половины 1950-х гг. Между новой методологией и методикой исследований — как полевых, так и кабинетных — и старыми традициями образовался разрыв почти в десятилетие. Он начался в конце 1920-х гг. после отъезда двух археологов М. Г. Худякова и В. Ф. Смолина из Казани и завершился в 1938 г. с началом раскопок Болгарского городища совместной экспедицией Казанского музея, ГИМ и ГАИМК под общим руководством А. П. Смирнова.

Принципиальной разницей двух периодов было то, что в конце 1930-х гг. археология стала постепенно восприниматься казанским обществом как наука историческая, исследующая исторические процессы, реконструирующая базисные и надстроечные явления прошлого [Руденко, 2020]. Изменились и акценты исследовательских проблем. Хаос направлений и мелкотемья, эклектичный и неорганизованный как в дореволюционных исследованиях, так и в начале советской эпохи, сменился плановыми исследованиями, последовательными тематическими раскопками, нацеленными на изучение истории Казанского края. В 1920-х гг. на фоне политики коренизации была подготовлена почва для проникновения идей татарского национализма в казанскую археологию, который сместил вектор

научных изысканий в сторону средневековой тематики. Любопытно, что проводниками этих веяний выступали русскоязычные учёные, например М. Г. Худяков, Н. Ф. Калинин [Руденко, 2014, с. 460]. Национальный вопрос в казанской археологии не являлся определяющим до 1990-х гг., до начала политики новой коренизации в гуманитарной сфере Татарстана.

В советское время иной стала и источниковедческая культура археологических изысканий. Осознание археологических артефактов как общенародного достояния, своего рода вещественного воплощения марксистской исторической теории, как и потребность его обнаружения через публикации и музейные экспозиции [Руденко, 2014, с. 368] создали иное целеполагание конечного результата археологических исследований. Не случайны критические проработки экспозиции Центрального музея ТАССР в 1930-х гг., которая должна была освещать ранние периоды истории республики [Руденко, 2014, с. 373]. Предмет/артефакт становится вторым по важности (после базисных положений из трудов классиков марксизма-ленинизма и формационных постулатов) аргументом в археологических исследованиях, которые в свою очередь приобретают черты исторического сочинения посредством финальных очерков по историческим эпохам, включавшихся в текст исследования, иногда с этнографическими параллелями. Это стало особенно распространённым

в 1950-х — 1960-х гг. Впрочем, итоговые обобщения и выводы исторического содержания сохраняются и поныне во многих археологических штудиях. С полевых исследований 1940-х гг., проводившихся по новой методике, включая стратиграфический и планиграфический методы и последовавших затем аналитических заключений А. П. Смирнова, изложенных в тезисах его докторского исследования, начинается археологическая диссертационная культура в ТАССР.

Как таковой прямой преемственности научных идей от дореволюционной науки к советской в казанской археологии не произошло, хотя в той или иной степени они прослеживались в исследованиях А. П. Смирнова и отчасти Н. Ф. Калинина до середины 1950-х гг. Накопление новых материалов в конце 1940-х — начале 1960-х гг. и их трактовка с позиций советской марксистской науки в корне изменили осмысление археологического прошлого Казанского края. Представление о линейном развитии населения и его культуры с эпохи каменного века на данной территории, что являлось характерной чертой как дореволюционной, так и довоенной советской археологии Казанской губернии (ТАССР), начиная с 1950-х гг. сменилось диффузионистским и миграционным направлениями. Они сложились в рамках одной идеологической парадигмы — исторического материализма и глобального подхода к вопросам этногенеза — автохтонизма.

Список литературы

1. Археология Волго-Уралья : в 7 т. Т. 3 : Ранний железный век / ред. А. Г. Ситдинов. Казань : Изд-во АН РТ, 2021. 676 с.
2. Могильнер М. Ното imregii: история физической антропологии в России (конец XIX — начало XX вв.). М. : Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
3. Смолин В. Ф. Раскопки «Шолома» в селе Балымерах Спасского кантона Татарской Республики в 1924–1925 гг. (краткий обзор) // ИОАИЭ. 1926. Т. 33. Вып. 2–3. С. 113–130.
4. Пономарев П. А. Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. I. Ананьинский могильник (археологический этюд) // ИОАИЭ. 1892. Т. X, вып. 4. С. 405–438.
5. Руденко К. А. Волжские булгары в зеркале истории (X–XIX вв.). Ч. I. Казань : Школа, 2007. 420 с.
6. Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X — начало XIII в.). Казань : Республиканский центр мониторинга качества образования, 2014. 768 с.
7. Руденко К. А. Учитель и ученик в археологии Казани в первой — второй трети XX в. (к постановке проблемы) // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX — начале XXI в. : материалы Всероссийской научно-практической конференции / сост., отв. ред. Г. П. Мягков, О. В. Сидницын. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 64–74.
8. Руденко К. А. Организации и учреждения археологического профиля в 1917 — начале 1930-х годов в Казанской губернии — ТАССР // Очерки истории отечественной археологии. Выпуск V / отв. ред. И. А. Сорокина. М. : ИА РАН, 2019. С. 277–304. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-301-5.277-304.
9. Руденко К. А. Трансформация мировоззрения и научных концепций казанских историков и археологов в переломный период истории: 1917–1930 гг. // Всеобщая история и историческая наука в XX —

начале XXI века : сборник статей и сообщений : в 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Г. П. Мягков, Е. А. Чиглинцев. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 282–285.

10. Смолин В. Ф. К вопросу о происхождении народности Камско-волжских болгар (Разбор главнейших теорий). Казань : Чувашское отделение Государственного издательства, Казанское подотделение, 1921. 56 с.

11. Смолин В. Ф. Археологический очерк Татарской Республики // Материалы по изучению Татарстана. Вып. 2: посвящается пятилетию Татарской С. С. Республики / ред. Г. Г. Ибрагимов, Н. И. Воробьев. Казань : Восток, 1925. С. 5–70.

12. Фирсов Н. Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Вып. 1 и 2. 2-е изд. Казань : Государственное изд-во, 1920. 136 с.

13. Хирш Ф. Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского союза / пер. с англ. Р. Ибатуллина. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.

14. Худяков М. Г. Разведки в Билярске летом 1915 года // ИОАИЭ. 1919. Т. 30, вып. I. С. 59–66.

15. Худяков М. Г. Пётр Алексеевич Пономарев 1847–1919 // ИОАИЭ. 1920. Т. 30, вып. 3. С. 245–260.

16. Худяков М. Г. Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет. Казань, 1923. С. 72–126.

17. Худяков М. Г. Могильник Маклашеевка II // Материалы Центрального музея ТАССР. 1929. № 2. С. 11–14.

18. Худяков М. Г. Великодержавный шовинизм в русской этнографии // Этнография на службе классового врага. Л. : Соцэргиз ГАИМК, 1932. С. 22–100 (Библиотека ГАИМК. № 11).

19. Худяков М. Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933. 162 с. (Библиотека ГАИМК, № 13).

20. Шаманаев А. В. «На службе эксплуататорских классов»: история археологии России в представлениях советского учёного // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сборник научных трудов / гл. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 440–446.

21. Штукенберг А. А. Материалы для археологии Казанской губернии: древняя курганная могила около деревни Бельмер (Булымер), в Спасском уезде Казанской губернии // ИОАИЭ. 1892. Т. X, вып. 2. С. 155–160.

22. Штукенберг А. А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России // ИОАИЭ. 1901. Т. XVII, вып. 4. С. 165–213.

23. Штукенберг А. А., Высоцкий Н. Ф. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Казан. ун-те. 1885. Т. XIV, вып. 5. С. 3–126.

References

1. Sitdikov A, ed. *Arheologija Volgo-Ural'ja v 7 tomah. Tom 3: Rannij zheleznyj vek = Archeology of the Volga-Urals in 7 volumes. Volume 3: Early Iron Age*. Kazan', AN RT Publ., 2021. 676 p. (In Russ.).

2. Mogil'ner M. *Homo imperii: istorija fizicheskoj antropologii v Rossii (konec XIX — nachalo HH v.) = Homo empire: the history of physical anthropology in Russia (late 19th — early 20th centuries)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 512 p. (In Russ.).

3. Smolin VF. Excavations of “Sholom” in the village of Balymer, Spassky canton of the Tatar Republic in 1924–1925. (brief review). *Izvestija Obshhestva arheologii, istorii i jetnografii. = News of the Society of Archaeology, History and Ethnography*. 1926;33(2-3):113-130. (In Russ.).

4. Ponomarev PA. Materialy dlja harakteristiki bronzovoj jepohi Kamsko-Volzhsckogo kraja. I. Anan'inskij mogil'nik (arheologičeskij jetjud) = Materials for the characterization of the Bronze Age of the Kama-Volga region. I. Ananyinsky burial ground (archaeological study). *Izvestija Obshhestva arheologii, istorii i jetnografii. = News of the Society of Archaeology, History and Ethnography*. 1892;X(4):405-438. (In Russ.).

5. Rudenko KA. *Volzhskie bulgary v zerkale istorii (X–XIX v.). Chast' I = Volga Bulgars in the mirror of history (the 10th –19th centuries). Part I*. Kazan', Shkola Publ., 2007. 420 p. (In Russ.).

6. Rudenko KA. *Istorija arheologičeskogo izuchenija Volzhskoj Bulgarii (X — nachalo XIII v.) = The history of the archaeological study of the Volga Bulgaria (the 10th — beginning of the 13th century)*. Kazan', Respublikanskij centr monitoringa kachestva obrazovanija Publ., 2014. 768 p. (In Russ.).

7. Rudenko KA. Teacher and student in the archeology of Kazan in the first — second third of the twentieth century (to problem statement). Mjagkov GP, Sinicyn OV., eds. *Uchitel' istorii v sociokul'turnom prostranstve Evrazii v konce XX — nachale XXI v.: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii = History Teacher in the Socio-Cultural Space of Eurasia in the Late 20th — Early 21st Century: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Kazan', Kazan university Publ., 2016. Pp. 64–74. (In Russ.).
8. Rudenko KA. Organizations and institutions of the archaeological profile in 1917 — early 1930s in the Kazan province — TASSR. Sorokina IA., ed. *Očerki istorii otechestvennoj arheologii. Vypusk V = Essays on the history of domestic archeology. Issue V*. Moscow: IA RAN Publ., 2019. Pp. 277–304. DOI: 10.25681/IAR-AS.2019.978-5-94375-301-5.277–304. (In Russ.).
9. Rudenko KA. Transformation of the worldview and scientific concepts of Kazan historians and archaeologists in a critical period of history: 1917–1930. Mjagkov GP, Chiglinev EA., ed. *Vseobshhaja istorija i istoričeskaja nauka v XX — nachale XXI veka: sbornik statej i soobshhenij: V 2 t. T. 1 = General history and historical science in the 20th — early 21st centuries: a collection of articles and communications: In 2 vols. Vol. I*. Kazan': Kazan university Publ., 2020. Pp. 282–285. (In Russ.).
10. Smolin VF. *K voprosu o proishozhdenii narodnosti Kamsko-volzhskih bolgar (Razbor glavnejshih teorij) = To the question of the origin of the people of the Kama-Volga Bulgarians (Analysis of the main theories)*. Kazan': Chuvashskoe otdelenie Gosudarstvennogo izdatel'stva, Kazanskoe Podotdelenie Publ., 1921. 56 p. (In Russ.).
11. Smolin VF. Arheologičeskij očerok Tatrespubliki [Archaeological essay of the Tatar Republic]. Ibragimov GG, Vorob'ev NI., eds. *Materialy po izucheniju Tatarstana. Vyp. 2: posvjashhaetsja pjatiletiju Tatarskoj S. S. respubliki = Materials for the study of Tatarstan. Issue. 2: dedicated to the fifth anniversary of Tatarskaya S. S. republics*. Kazan', Vostok Publ., 1925. Pp. 5–70. (In Russ.).
12. Firsov NN. *Chtenija po istorii Srednego i Nizhnego Povolzh'ja*. Vyp. 1 i 2. 2-e izd. = *Readings on the history of the Middle and Lower Volga region. Issue. 1 and 2. 2nd ed*. Kazan', 1920. 136 p. (In Russ.).
13. Hirsh F. *Imperija nacij: jetnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo sojuza = Empire of the Nation: Ethical Knowledge and the Formation of the Soviet Union*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 472 p. (In Russ.).
14. Hudjakov MG. [Intelligence in Bilyarsk in the summer of 1915]. *Izvestija Obshhestva arheologii, istorii i jetnografii = News of the Society of Archaeology, History and Ethnography*. 1919;30(1):59-66. (In Russ.).
15. Hudjakov MG. Peter Alekseevich Ponomarev 1847–1919]. *Izvestija Obshhestva arheologii, istorii i jetnografii = News of the Society of Archaeology, History and Ethnography*. 1920;30(3):245-260. (In Russ.).
16. Hudjakov MG. Ananyino culture. *Kazanskij gubernskij muzej za 25 let = Kazan Provincial Museum for 25 years*. Kazan', 1923. Pp. 72–126. (In Russ.).
17. Hudjakov MG. Burial ground Maklashevka II. *Materialy Central'nogo muzeja TASSR = Materials of the Central Museum of the TASSR*. 1929;(2):11-14. (In Russ.).
18. Hudjakov MG. Great power chauvinism in Russian ethnographyю *Jetnografija na sluzhbe klassovogo vruga = Ethnography in the service of the class enemy*. Leningrad, Socjkgiz GAIMK Publ., 1932. Pp. 22–100 (Biblioteka GAIMK. № 11). (In Russ.).
19. Hudjakov MG. *Dorevoljucionnaja russkaja arheologija na sluzhbe jekspluatatorskih klassov = Pre-revolutionary Russian archeology in the service of the exploiting classes*. Leningrad, 1933. 162 p. (Biblioteka GAIMK, № 13). (In Russ.).
20. Shamanaev AV. “In the service of the exploiting classes”: the history of Russian archeology in the views of a Soviet scientist. Mazur LN., ed. *Jepoha socialističeskoj rekonstrukcii: idei, mify i programmy social'nyh preobrazovanij: sbornik nauchnyh trudov = The Age of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths, and Programs for Social Transformation: A Collection of Scientific Papers*. Ekaterinburg, Ural university Publ, 2017. Pp. 440–446. (In Russ.).
21. Shtukenberg AA. Materials for the archeology of the Kazan province: an ancient burial mound near the village of Belymer (Bulymer), in the Spassky district of the Kazan province. *Izvestija Obshhestva arheologii, istorii i jetnografii = News of the Society of Archaeology, History and Ethnography*. 1892;X(2):155-160. (In Russ.).
22. Shtukenberg AA. Materials for the study of the copper (bronze) age of the eastern zone of European Russia. *Izvestija Obshhestva arheologii, istorii i jetnografii = News of the Society of Archaeology, History and Ethnography*. 1901;XVII(4):165-213. (In Russ.).

23. Shtukenberg AA, Vysockij NF. Materials for the study of the Stone Age in the Kazan province. *Trudy Obshchestva estestvoispytatelej pri Kazan. un-te = Proceedings of the Society of Naturalists at Kazan University*. 1885;XIV(5):3-126. (In Russ.).

Список сокращений

АН СССР — Академия наук СССР
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии
ИПИИ — Институт по изучению народов СССР
ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ТАССР — Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ЦМТР — Центральный музей Татарской Республики

Информация об авторе

К. А. Руденко — доктор исторических наук, профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения.

Information about the author

K. A. Rudenko — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Museology, Cultural Studies and Art History.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.